

Н.В. Халина

Секвенционное построение теории коммуникационного общества

Историческое развитие есть единый синтетический процесс, соединяющий в себе эволюционный и каузальный моменты [1], эстетическую ценность и художественную эмоцию. Всякая эстетическая ценность, по мнению Шарля Лало, имеет социальный характер, поскольку всегда подводится под категорию общественных явлений [2]. Именно эта социальная категория предлагает средства к исследованию коммуникативных ситуаций и установлению пунктов в социальной жизни, нуждающихся в реконструкции. Цель последней – создание формы жизни, гармонично сочетающей индивидуальные возможности и социальные потребности, эволюционное и каузальное. Формы жизни актуализируются в виде форм коммуникации внутри культуры, культурно-эстетической традиции, которые включают в себя интересы, цели, ритуалы, виды деятельности [3].

Основополагающим видом деятельности следует признать разумную человеческую деятельность – деятельность, требующую сознания единства и разности наших стремлений со стремлениями лиц, с которыми мы входим в связь [4]. Особая роль отводится в регулировании общественных отношений художественной деятельности, материализующей художественные идеи и потому являющейся таким же необходимым элементом духовного производства как основное коммуникационное (устанавливающее связь, являющееся путем сообщения информации) средство – язык [5].

Коммуникационный взгляд на общество начал культивироваться во французском реализме, отличавшимся внимательным отношением ко всем формам проявления общественной жизни, раскрытию взаимной связи индивидов через необходимость ее изучения с позиций обстоятельств жизни, протекающих процессов как внутри индивида, так и внутри среды или общества. Как следствие доверия к эволюционным взглядам на историю не только в биологической, но и в общественной жизни, возникает предположение, что духовная сущность человека может сформироваться с помощью знаковых средств, «выявляемых интерпретантами и замещающих объекты в различных мыслительных процессах» [6, с. 76]. Знаковое замещение объектов приводит к пассивному, разорванному восприятию мира, «отрицанию продуктивности», или «отчуждению» [7]. Операцию «отрицания отрицания» способны выполнить секвенции («цепочки») текстов, составляющие которых – тексты – трактуются как

информационные следы (информация же как устранение неизвестности) [8], или семиотические формы эмоциональных переживаний, включающие человека в социальную деятельность.

Текст, являясь формой исторического опыта культурно-социального сообщества (этноса), выступает в качестве функции коллективного сознания (государство), связывающей многообразные содержания представлений в определенную историческую эпоху в одну основную психическую форму – «проектированное единство мира» (предмета). В подобной функции единая действительность может быть определена и указана как идеальная граница многообразно меняющихся теорий. Полагание этой границы не производно, а неизбежно, поскольку лишь посредством него устанавливается непрерывность опыта.

Проектированию мира должно предшествовать аннотирование его синхронного состояния, которое определяется как мир кинетической организации [9]. Подобный тип мира строится на отношениях ускоренного вида в обществе технически равных работников, что предполагает переход от вертикальной к горизонтальной коммуникативной системе, означающий ускорение общения.

Перемены в мышлении, действиях и принятии решений организациями требуют эффективных способов предотвращения или разрешения координационных и коммуникационных проблем, которые можно найти лишь в новом сочетании людей и задач, что позволит резко порвать с бюрократическими традициями [10].

Рождение новой системы человеческих отношений связано с отношениями между познающим (человеком) и познаваемым (миром чистого опыта), фиксирующими существование языкового мира, который отличается от неязыкового и открывает человеку самого себя, семиотически оформляя всякий значимый человеческий опыт. «На мой взгляд, опыт как целое есть процесс, осуществляющийся во времени; его бесчисленные отдельные элементы поглощаются и вытесняются другими, следующими, переход в которые, в смысле разделения или соединения, сам по себе тоже опыт и в общем должен считаться ничуть не менее реальным, чем связываемые им элементы. Сущность же действия, именуемого «вытеснением», целиком и полностью зависит от преобладающего типа перехода» [11, с. 382].

«Вытеснение» традиционной системы предполагает прекращение процесса представления о мире

в качестве системы универсального детерминизма и осуществление анализа отдельных типов рациональности, структурирующих различные физические системы, в разрывах между которыми начинают действовать человеческие силы [12]. Инициатива человека «может быть понята только как слияние двух моментов – интенционального и системного, – поскольку она вводит в действие, с одной стороны, цели практических силлогизмов, с другой стороны, – внутренние связи физических систем, выбор которых определяет феномен вмешательства. Действовать – в точном смысле слова означает приводить в движение систему, исходя из ее начального состояния, заставляя совпасть «способность – делать» (*un pouvoir – faire*), которой располагает агент, с возможностью, которую предоставляет замкнутая в себе система» [12, с. 17].

«Вытеснение» традиционной системы представлений обусловлено реальным потоком социального взаимодействия и процессами интеграции человеческого сообщества в единое социетальное сообщество. «Социетальное сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегментация» [13, с. 26]. Значимой становится способность индивида к символической «коммуникации», обеспечивающей интеграцию в системы социальных взаимодействий и гарантирующей соответствующее положение коллектива или индивида в стратификационной системе. «С иерархической точки зрения нормативное упорядочение социетального сообщества в терминах членства подразумевает существование *стратификационной* шкалы – шкалы признаваемого и легитимизированного (в той мере, в какой усвоены нормы и ценности) *престижа* входящих в это сообщество в качестве его членов коллективов, отдельных лиц, а также статусов и ролей, распространенных в этом сообществе. Оно должно быть скоординировано как с универсальными нормами, определяющими статус членства, так и с определенным разделением функций коллективов, статусов и ролей, которое в общем-то не обязательно предполагает наличие иерархии. Конкретная стратификационная система, таким образом, представляет собой сложную функцию всех составляющих» [13, с. 26–27].

Построение коммуникационного общества как разновидности общей системы действия, включающей культурные, личностные, социальные подсистемы и поведенческие организмы [13], основывается на придании статуса стратификационной системы языку, рассматриваемому в качестве производной функции знания. (При использовании термина «функция» исходим из его семантического объема, реализуемого в математических исследованиях, где функция понимается как переменная величина, меняющаяся в зависимости от другой величины). Знания обеспечи-

вают передвижение в пространстве и времени, являясь формами символической репрезентации [14] когнитивной системы культуры.

Освоение когнитивной системы культуры служит предпосылкой понимания систем реальности, которые по отношению к системе действия определяются как ее среда [13]. Первая из них – физическая среда, вторая система – «высшая реальность», связанная с системой действий посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентаций, которые включают в себя познавательные «ответы», отнюдь не ограничиваясь ими [15].

Когнитивная система культуры содержит механизмы мобилизации и поиска, которые обслуживают мотивации, организованные на личностном уровне, и обеспечивают состояние постоянного взаимообмена на входах и выходах в окружающую среду для социальных систем.

Когнитивная система культуры содействует переработке предметного мира, в ходе которой «человек впервые утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая связь» [7, с. 398]. Язык, рассматриваемый как подсистема когнитивной системы культуры, выражает сущность вещей и связывает человека с природно-родовым телом, которое лежит в основе всех смысловых определений. Он, будучи предметом интеллектуального труда, по сути есть опредмечивание родовой жизни человека: «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [7, с. 398]. Созданный мир организуется в соответствии с всеобщим, мировым законом органической эволюции, коммуникационными узлами которого признаются взаимопомощь, справедливость, нравственность [16]. «Подобно потребности в пище, убежище и сне, эти три инстинкта представляют инстинкты самосохранения. Конечно, по временам они могут ослабевать под влиянием некоторых условий, и мы знаем много случаев, где в силу той или другой причины происходит ослабление этих инстинктов в той или другой группе животных или в том или другом человеческом обществе. И если эта группа не вернется к условиям, необходимым для выживания и прогрессивного развития, т.е. к Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности, она, будь это племя или вид, вымирает и исчезает» [16, с. 44]. Именно нравственность, в которой выделяются три составляющие – инстинкт (унаследованная привычка общительности), понятие человеческого разума (справедливость); чувство, одобряемое разумом (самоотвержение, или самопожертвование) [16], – лежит в основе коммуникационного общества, поскольку способствует раскрытию неизбежной связи между человеком и вещами.

Человек в связи с вещами обнаруживает свое предназначение, поскольку он обречен на поиски,

собираение и использование вещей [17]. Предназначение, или конечная цель человека, – жить согласно с природой: воздерживаться от всего, что запрещено общим законом – разумом [18]. «Природа человека – это разум-закон сердца; чувства – это движение природы человека; сердце – владыка природы человека и его чувств. *Жэнь*, справедливость, правила *ли*, мудрость – основа природы человека» [19, с. 259]. Поиски форм адекватной коммуникации с миром приводят к необходимости создания комплексов символических значений, в функции которых входит обнаружение коммуникативных узлов системы этики, определенной теорией развития и соответствующей закону органической эволюции. На место фактического констатирования прогрессивного развития выступает систематическое целое некоторой связи обоснования, элементы которой взаимно обуславливают друг друга [20]. Создаются предпосылки для теории фундированных содержаний, в которой на место отношения последовательности и иерархии содержаний устанавливаются отношения строжайшей коррелятивности: нужен ряд сложных интеллектуальных операций, чтобы превратить потенциальное логическое содержание в актуальное [20]. Теория фундированных содержаний выступает в качестве «идеологической» базы коммуникативного общества, которое от установления соответствия действия предмета на чувство с действием чувства на мысль (понятия) переходит к процессу проверки (пониманию) – согласованию понятия с разумом. «Понятие от понимания отличается тем, что первое начинается от действия предмета на чувство, чувства на мысль, понимание же, наоборот, начинается от действия мысли, идет до обсуждения действия чувств, кончается на продумывании предмета» [17, с. 356].

Основной задачей коммуникативного общества является разработка системы правил разграничения природы человека и природы вещей для создания среды функционирования реальной формы личности, владеющей реальным знанием. Доступ к реальному знанию возможен через натуральное усвоение языка – усвоение системы семантических правил производства сообщений, которая передается посредством коммуникативного измерения коннотации, или открытия через посредство языка структурных альтернатив культуры вообще и культуры мышления в частности.

Коммуникативные измерения коннотации, на наш взгляд, могут быть выявлены с помощью методов обучения В. Маккоя [21], среди которых более продуктивными следует признать психологический метод, метод чтения, грамматический метод, переводной метод. В процессе усвоения натурального языка выявляются функции распределения семантических вероятностей в современной исторической ситуации, с учетом которых возможно конструирование

логико-лингвистических моделей, устраняющих противоречия в знаниях и позволяющих связывать отдельные фрагменты знаний. Подобные модели ведут к внутренней реорганизации языковой системы через: а) изменение языкового статуса социальных сфер жизненного мира коллектива, «состоящего из одной личности» [22, с. 5]; б) замену рационального принципа структурирования языковых единиц на интуитивный – эстетический. Эстетический принцип структурирования информации превращает язык в иррациональный продукт творческой интуиции отдельных лиц, систему образов, творимых и воспринимаемых только интуитивным путем [23]. «Наши интеллектуальные категории могут дать описание эмпирического мира в формах пространства, времени и причинности, но реальность находится за пределами этого. Хотя она и содержит в себе пространство, она непространственна; хотя и включает в себя время, она трансцендентна времени; хотя она и содержит в себе причинно связанную систему природы, она не подчиняется закону причинности... Мы должны выйти за пределы мысли, за пределы столкновений противоположностей, за пределы антиномий, встающих перед нами, когда мы, оперируя ограниченными категориями абстрактного мышления, пытаемся постичь такую реальность, где человеческое и божественное существование сливаются. Мы получаем представление о реальности, когда мысль наша становится совершенной в интуиции» [24, с. 144, 146].

Структурирование информации осуществляется в виде текста, представляющего собой сообщение – последовательность символов, кодирующих символы источника, в качестве которого выступает историческая ситуация. Каждый символ исторической ситуации заменяется последовательностью некоторого алфавита – алфавита создателя произведения, или индексатора. Индексаторы творят идеями; инструменты индексации – языки идей – существуют даже тогда, когда идеи оказываются неэстетическими [25]. Индексы (буквы алфавита) определяют значение физических феноменов, предназначенных для непосредственной передачи информации об исторической ситуации по линии связи. В результате конструируется эмоционально-рефлекторная модель реального мира, в основе создания которой лежит эстетический принцип упорядочения воспринимаемого многообразия действительности.

Эмоционально-рефлекторная модель реального мира может быть реконструирована с помощью моделей навыков и умений взаимодействия в процессе аккультурации конца II – начала III тысячелетия, происходящем в России. Указанный период характеризуется переходом с одного уровня реагирования на изменяющиеся условия среды существования на более высокий в результате включения низшего звена, «т.е. ведущая роль начинает принадлежать

лимитирующей системе» [26, с. 13]. Лимитирующая система фиксирует принцип периодичности ответных реакций, сущность которого заключается в восстановлении израсходованных, разрушенных структур, а также в формировании нового комплекса взаимодействующих систем (в нашем случае – общей системы действия, регулирующей реальный поток социально-информационного взаимодействия; составляющие этой системы – индивидуальная когнитивная система личности, когнитивная система универсального типа (культура), поисковая когнитивная система времени (общества)). Принцип периодичности обнаруживается с помощью метода усвоения языка, который и определяет тип лимитирующей модели, мотивированный методом обучения – психологический, чтения, грамматический, переводной.

Лимитирующие модели и их последовательность представляют уровни натурального усвоения русского языка, координирующие новые комплексы взаимодействующих систем внутри когнитивной системы русской культуры. Новый комплекс взаимодействующих систем внутри системы «Русская культура конца XX – начала XXI в.», отражающих переходное состояние глубинных семиотических структур, выявлен модульной группой при кафедре общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета.

В процессе деятельности модульной исследовательской группы удалось определить: 1) коммуникативные измерения коннотации русского языка; 2) наиболее типичные сферы речевого действия русского языка (или сферы речевой культуры); 3) когнитивные подсистемы русской культуры; 4) ролевые функции коммуникации в когнитивной системе «Культура»; 5) внешние условия среды как целостный текст структурных альтернатив культуры мышления; 6) метод усвоения языка, соответствующий сфере речевого действия в контексте русской культуры конца II – начала III тысячелетия. Члены модульной исследовательской группы создали образцы употребления новой языковой системы, базируясь на эмоционально-рефлекторной модели реального мира. Созданные образцы передают семантику языка через контролируемые мышлением речевые действия, опредмечивание и визуальные материалы. В результате удалось дать наглядно-текстовое подтверждение основного тезиса Л.С. Выготского [27] о существовании единицы, которая объединяет в себе речь и мышление. Обнаружено четыре разновидности подобной единицы, или четыре типа коммуникативных измерений коннотации русского языка: **термин – назывное предложение – редуцированная форма – умственное действие оперирования**. Выявленные коммуникативные измерения представляют собой актантную структуру культуры, или способы организации ценностей, которые выступают в качестве «содержания моделей,

которые предстают как потенциальные возможности семиотических процессов» [28, с. 496].

Потенциальные возможности семиотических процессов открываются через посредство лимитирующих моделей – систем ответных реакций поведенческого организма на изменение факторов окружающей среды – отличительных свойств коммуникационного общества. Так, лимитирующая модель «переводная» имеет следующий вид:

1) коммуникативное измерение коннотации русского языка – умственное действие оперирования [29];

2) сфера речевого действия – интонирование идеи культуры, или получение правил языковой расшифровки полученного смыслового единства;

3) когнитивная система культуры – временная внешняя реализация пространственных построений, или перевод с уровня языкового правила на уровень речевого действия;

4) ролевая функция – лимитирование и разделение словарного состава и структур;

5) *переводной* метод усвоения языка:

– грамматическое и семантическое перекодирование;

– выявление соотношения значения (или в более широком плане – понятия как наиболее общего значения) со словом в той его форме, в которой оно записано в сознании человека [27];

– внешние условия среды – сегментированный текст структурных альтернатив, обеспечивающий механизм построения и реализации речевого действия (артикулирования когнитивной системы);

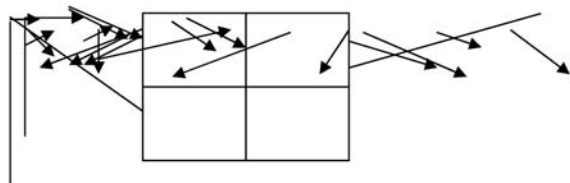
– перевод с уровня правила на уровень речевого действия синтагмы (например, синтагмы «Где мы – там победа!» – девиза морских пехотинцев Петра I).

Созданные членами модульной группы тексты-сообщения в соответствии с представленной моделью по сути своей представляют вероятностные системы, полученные посредством синтеза однозначно детерминированной системы – синтагмы – и соответствующего случайного процесса – отношений между познающим (человеком) и познаваемым (миром чистого опыта), фиксирующих существование языкового мира.

Множество полученных текстов, или секвенция, реконструирует структуру реального потока социального взаимодействия, которую, как и любую другую структуру, «можно рассматривать как временное отверждение-кристаллизацию непрерывающегося процесса, размывающего всякую форму в силу естественного своего динамизма, и затем снова отвердевающего в формах-структурах» [30, с. 76]. Графический образ секвенции изображен на рисунке. Секвенция представляет собой семантическое заполнение схемы общей системы действия (ячейки прямоугольника), с особым вниманием к взаимоотношениям между мотивационной динамикой (незакрытые контуры

в левом сегменте рисунка) и структурными компонентами информационной социализации индивида (разнонаправленные векторы, заполняющие все пространство рисунка). Структурные компоненты информационной социализации отличаются «пере-межающей активностью».

Секвенция синхронной реальности

Представленная секвенция есть символическая форма запечатления действительности, или символический образ действительности, основанный на знании своего образа как дискретного элемента знания, несущего содержательную информацию о контексте [31], выступающего в качестве компонента исторического сознания [32]. В секвенции фиксируется «живая цельность переживаемого содержания сознания», генерируется новая реальность – «синхронная история семантических напластований. История понимается в качестве свершения, целенаправленного процесса, предполагающего наличие субъекта истории, «который и является *творцом значений*, поскольку история для того, чтобы быть подлинной *реальностью*, должна иметь *значение*, быть *означенной*» [30, с. 210–211].

Секвенция представляет собой функцию социального общества, обеспечивающего сочленение системы норм (в качестве которой выступает лимитирующая

система) с коллективной организацией, обладающей внутренней логикой. Внутренняя логика коллективной организации обусловлена типом умственных действий оперирования, к которому склоняется автор текста при записи переживаемого содержания: а) сличение (сравнение); б) выбор (отбор); в) набор (составление) целого из частей; г) комбинирование (сочетание); д) перестановка (замена); ж) принятие решения; з) построение; и) вариация по аналогии. «Переживание содержания сознания не ограничивается сферой чувств или процессов воления, или процессов мышления. Оно есть неразложимое единство этих процессов, отнесенное к форме внутреннего чувства, т.е. времени» [32, с. 112].

Коллективный аспект известный американский социолог-теоретик Т. Парсонс предлагает именовать социальным сообществом. «Социальный порядок требует ясной и определенной интеграции в смысле последовательности нормативного строя, с одной стороны, и социальной «гармонии» и «координированности» – с другой. Более того, необходимо, чтобы нормативно определенные обязательства были усвоены, в то время как коллективы при выполнении своих функций и для отстаивания своих законных интересов должны иметь в своем распоряжении нормативную санкцию. Таким образом, нормативный порядок на социальном уровне содержит «решение» поставленной Т. Гоббсом проблемы – как уберечь человеческие отношения от вырождения в «войну всех против всех»» [33].

Нормативная санкция, доминирующая в коммуникативном обществе, содержится в секвенции – творческом символе современной истории интеллектуального типа, или единстве психических деятельностей чувствования, воления, мышления.

Библиографический список

1. Сакулин, П.Н. Филология и культурология / П.Н. Сакулин. – М., 1990.
2. Лало, Ш. Введение в эстетику / Ш. Лало. – М., 1915.
3. Итон, М. Искусство и неискусство / М. Итон // Американская философия искусства. – Екатеринбург, 1997.
4. Лавров, П.В. Философия и социология : избранные произведения : в 2 т. / П.В. Лавров. – М., 1965. – Т. 2.
5. Горбунова, Т.В. Природа художественных идей / Т.В. Горбунова. – М., 1991.
6. Перинбаньягам, Р.С. Диалогическая личность / Р.С. Перинбаньягам // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. – Новосибирск, 1990.
7. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М., 1992.
8. Методология исследований политического дискурса. – Вып. 1: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 1998.
9. Blae, P. Formal Organization / P. Blae, W. Scott. – San Francisco, 1962.
10. Reed, Ü. Decline of the Hierarchy of the Civil service in Industrial Organizations / Ü. Reed // Business Horizons. – 1965.
11. Джеймс, У. Воля к вере / У. Джеймс. – М., 1997.
12. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – М., 1995.
13. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М., 1998.
14. Saville-Troike, M. The Ethnography of Communication / M. Saville-Troike. – Oxford, 1982.
15. Geerts, C. Religion as a Cultural System / C. Geerts // Anthropological Approaches to the Study of Religion. – N.Y., 1966.
16. Кропоткин, П.А. Этика / П.А. Кропоткин. – М., 1991.
17. Коллонтай, Г. Подготовительные материалы к труду «Физико-моральный порядок, или Наука о правах и обязанностях человека, вытекающих из вечных, неизменных и необходимых законов природы» / Г. Коллонтай // Избранные

произведения прогрессивных польских мыслителей. – М., 1956. – Т. 1.

18. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М., 1979.

19. Чжу, Си. Синли цзин ли / Си Чжу. // Антология мировой философии : в 4 т. – М., 1963. – Т. 1.

20. Кассирер, Э. Познание и действительность / Э. Кассирер. – СПб., 1912.

21. Mc Kay, V. The Analysis of Language Teaching / V. Mc Kay. – L., 1965.

22. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX) / Ю.М. Лотман. – СПб., 1999.

23. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – М., 1937.

24. Ридхаркришнан, С. Индийская философия / С. Ридхаркришнан. – М., 1956. – Т. 1.

25. Bincley, T. Piece: Contra Aesthetics / T. Bincley // Journal of Aesthetics and Art Criticism. Vol. XXXV. – 1977. – №3.

26. Сорокин, А.П. Принципы управления свойствами организма / А.П. Сорокин // Аспекты адаптации. Морфо-

функциональные эквиваленты двигательной активности, гипокинезии и ответных реакций на индивидуальную дозу фактора среды. – Горький, 1985.

27. Выготский, Л.С. Мышление и речь : избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М., 1956.

28. Греймас, А.Ж. Семиотика : объяснительный словарь теории языка / А.Ж. Греймас, Ж. Курие // Семиотика. – М., 1983.

29. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М., 1978.

30. Евзлин, М. Космогония и ритуал / М. Евзлин. – М., 1993.

31. Славин, А.В. Наглядный образ в структуре познания / А.В. Славин. – М., 1971.

32. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – М., 2000.

32. Белый, А. Символизм и миропонимание / А. Белый. – М., 1994.

33. Гоббс, Т. Избранные произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1964. – Т. 2.